

«С СОБЛЮДЕНИЕМ БЛАГОВИДНОСТИ»

В середине апреля 1820 года Александр I в разговоре с директором Царскосельского лицея Е. А. Энгельгардом заявил: «Энгельгардт, Пушкина надобно сослать в Сибирь. Он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает». В это же время петербургский генерал-губернатор М. А. Милорадович вызывает поэта к себе, а политический сыщик Фогель пытается раздобыть его рукописи.

Пушкин, обеспокоенный этим, сжигает все свои бумаги и позже, находясь уже в кабинете Милорадовича, выражает, однако, готовность воспроизвести по памяти уничтоженное. Этим он, с одной стороны, обезоружил и расположил в свою пользу Милорадовича, а с другой, исключал возможные в будущем попытки как-то расширить границы записанного.

Положение создалось крайне серьезное, требующее вмешательства и помощи друзей. Ф. Н. Глинка — поэт и публицист, член Союза Благодетства, состоявший тогда при Милорадовиче для особых поручений, одним из первых узнал о грозе, собравшейся над головой Пушкина, и принял в его судьбе энергичное участие. Такое же участие принимали Н. А. Карамзин, А. И. Тургенев, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, П. Я. Чаадаев, Е. А. Энгельгардт... Все они в той или иной степени способствовали смягчению наказания поэту. Немалую роль сыграла здесь и позиция, которую занял Милорадович во время доклада Александру I, а также точка зрения статс-секретаря коллегии иностранных дел И. А. Каподистрии, который, очевидно, нашел необходимые аргументы в пользу поэта при встрече с царем.

Все эти хлопоты привели к тому, что ссылка в Сибирь, намечавшаяся вначале, была заменена ссылкой в Екатеринослав.

Поиски и находки

5 мая 1820 года Пушкину была выдана подорожная, в которой значилось, что «(...) Коллежский секретарь Александр Пушкин отправлен по надобности службы к Главному попечителю колонистов южного края г. Генерал-Лейтенанту Инзову».

Текст подорожной не может, однако, служить основанием для утверждений, что, дескать, в данном случае имела место не ссылка, а перевод по службе, что здесь проявлено, как говорили тогда, «великодушные государя поистине трогательное». Необходимо напомнить, что Александр I в конце концов принял решение выслать Пушкина из Петербурга «с соблюдением благовидности». А это означало, что ссылка должна приобрести благовидную форму выезда по делам службы в распоряжение генерала Инзова. Тем более, что возглавляемый последним Комитет находился в ведении Коллегии иностранных дел.

Но одновременно с этим Александр I своей надписью «Быть по сему» санкционировал и специальное письмо на имя генерала Инзова, в котором содержалась не только программа действий, применением которых правительство рассчитывало «исправить» поэта, но и официально подтверждалась необходимость удаления Пушкина из Петербурга. А разве удаление и ссылка — не одно и то же? В. Даль в своем «Толковом словаре», устанавливая идентичность глаголов «сылать» и «удалять», поясняет: «У нас ссылают преступников на каторгу, в крепостные работы, на поселение в Сибирь и на жительство,

срочное или вечное, в дальние губернии». Вот такой дальней губернией и была в то время Екатеринославщина.

Формально ссылка нигде не фигурировала, но фактически она была, ибо поэт не имел права без разрешения покинуть ни Екатеринослав, ни Кишинев, ни Одессу, как позднее он не мог покинуть Михайловское вплоть до 1826 года. Официальные просьбы поэта об отпуске и кратковременном приезде в столицу оставались без ответа. А как хотел он побывать там хоть самое короткое время! «Мочи нет, почтенный Александр Иванович, — писал он в 1821 году А. И. Тургеневу, — как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге».

Но в Петербурге о Пушкине не забывали, особенно в пору важных политических событий, будь то греческое освободительное движение или деятельность масонских организаций на юге Российской империи. В этих случаях благовидность не соблюдалась. Князь П. М. Волконский в письме генералу Инзову от 1821 г., говоря о Пушкине, подчеркивает: «...Повторяется вновь Вашему превосходительству иметь за поведением и деяниями его самый ближайший и строгий надзор».

Сам Пушкин отдавал себе отчет в действительном положении. Не говоря о своем душевном состоянии в дни апреля 1820 года, позже в ряде произведений, особенно поры южной ссылки, поэт отнюдь не рассматривает случившееся как перевод на новое место службы. В эпиграме к «Руслану и Людмиле», в стихах «К Овидию», «Чаадаеву», «Я. Н. Толстому», «Ф. Глинке» и других звучит тема изгнания, неволи, вспоминаются минуты «гибели над бездной потаенной».

В письме к брату, в августе 1823 года, Пушкин упоминает

о «цепях», а год спустя, в письме к начальнику канцелярии графа Воронцова А. И. Казначееву пишет: «(...) Вы знаете, что только в Москве или Петербурге можно вести книжный торг, ибо только там находятся журналисты, цензоры и книгопродавцы; я поминутно должен отказываться от самых выгодных предложений единственно по той причине, что нахожусь за 2000 верст от столицы. Правительству угодно вознаграждать некоторым образом мои утраты, я принимаю эти 700 рублей не так, как жалование чиновника, но как паек сысочного невольника». Письмо это свидетельствует об истинном положении поэта, положения невольника, хотя и без атрибутов неволи в буквальном смысле слова.

Известный археограф П. И. Бартенев, говоря об удалении Пушкина из Петербурга, замечает, что тогда «...все сочли это удаление ссылкой». И с этим нельзя не согласиться. Лишь какая-то сравнительно небольшая часть, очевидно, принадлежавшая к категории «верноподданных», считала это удаление не ссылкой, а переводом «по надобности службы».

В наши дни летопись жизни Пушкина, освобожденная от ложных наслоений, освобождена, разумеется, и от «верноподданической» версии удаления Пушкина из Петербурга в 1820 году. И это вполне естественно, ибо версия эта, как мы видели, противоречит действительным событиям и опровергается самим поэтом, И. Екатеринослав, и Кишинев, и Одесса, и Михайловское — все это места ссылки великого поэта, ссылки без указания срока, а поэтому особенно жестокой и тягостной.

В. РОГОВ,
краевед.

г. Днепродзержинск.